

DOI: 10.31857/S0130386424050093

© 2024 г. А.Б. ЛАРИН

**«ЧИСТО КУЛЬТУРНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР...»: РОССИЙСКАЯ
ЗЕМЛЕ(ВЛА)ДЕЛЬЧЕСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ ПРИКАСПИЙСКИХ
ПРОВИНЦИЙ ИРАНА И КАТЕГОРИЯ «КУЛЬТУРНОЕ ЗАВОЕВАНИЕ»**

Ларин Андрей Борисович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: ab-larin@mail.ru

Scopus Author ID: 57211600477; ORCID: 0000-0003-4932-3997; Researcher ID: Q-5730-2017

Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования РФ (соглашение № 075-15-2024-537).

Аннотация. Статья посвящена анализу категории «культурное завоевание» применительно к политике Российской империи в прикаспийских провинциях Ирана накануне и в годы Первой мировой войны. Незадолго до начала конфликта на территории Астрабадской провинции возникли поселки русских крестьян-переселенцев, одновременно начинает формироваться и крупное российское землевладение в южном Прикаспии. Связанные с этими явлениями вопросы активно обсуждались по линии Министерства иностранных дел, Переселенческого управления и т.д. Феномен не получил достаточного освещения в историографии, хотя является важным в контексте развития подходов новой имперской истории. Одним из важных понятий, использовавшихся в рамках обсуждения и осмысления процессов российского проникновения в регион, стало сочетание «культурное завоевание». Эта категория активно использовалась как государственными, так и негосударственными акторами для концептуализации происходивших процессов экономического, политического и культурного взаимодействия в важном приграничном регионе. На основе анализа различного рода материалов (как архивных, так и опубликованных) — дипломатической переписки, проектов концессий, публикаций чиновников Переселенческого управления и т.д. — исследуются контексты употребления категории «культурное завоевание» (и смежных), предлагаемые варианты оптимальной политики в регионе. Отмечено, что это понятие было рамочным, не определялось отчетливо и включало в себя три основных компонента: политический, экономический и цивилизационный. При значительном сходстве интерпретаций понятия различными акторами, имелась существенная разница в понимании средств, методов и оптимальных путей «культурного завоевания» прикаспийских провинций.

Ключевые слова: Россия, Иран, колонизация, внешняя политика, Переселенческое управление, переселенчество, переселенцы, имперская политика, цивилизаторская миссия, «культурное завоевание», К.В. Иванов, С.Д. Сазонов.

A.B. Larin

**“Purely Cultural and Economic in Nature...”: Russian Agricultural Colonisation and Land
Ownership of the Caspian Provinces of Iran and the Category of “Cultural Conquest”**

Andrey Larin, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: ab-larin@mail.ru

Scopus Author ID: 57211600477; ORCID: 0000-0003-4932-3997; Researcher ID: Q-5730-2017

The article was prepared within the framework of a grant provided by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Agreement № 075-15-2024-537).

Abstract. In this article, the author examines the concept of “cultural conquest” in the context of the Russian Empire’s policy towards the Caspian provinces of Iran, both prior to and during the Great War. In the period preceding the outbreak of hostilities, Russian peasant colonists began to settle in the Astarabad province, while concurrently, significant Russian land ownership emerged in the southern Caspian region. These developments were subjected to rigorous scrutiny by the Ministry of Foreign Affairs, the Resettlement Department, and other pertinent authorities. The phenomenon is not adequately represented in historiography, despite its significance in the context of New Imperial History. One of the pivotal concepts employed in analysing and comprehending the processes of Russian expansion into the region was the notion of “cultural conquest”. This category was actively employed by both state and non-state actors to conceptualise the ongoing economic, political, and cultural interactions in a crucial frontier region. The analysis of a wide range of materials, including archival and published sources such as diplomatic correspondence, concession projects, and publications by officials from the Resettlement Department, has been conducted with the aim of investigating the contexts of the use of the category “cultural conquest” (and related terms) as well as proposed options for optimal policy in the region. The author indicates that this concept was of a framework nature and comprised three principal components: political, economic, and civilisational. He demonstrates that despite significant similarities in the interpretations of the concept by different actors, there were differences in understanding the methods and optimal ways of “cultural conquest” of the Caspian provinces.

Keywords: Russia, Iran, colonisation, foreign policy, Resettlement Department, resettlement, settlers, imperial policy, civilising mission, “cultural conquest”, Konstantin Ivanov, Sergey Sazonov.

Исследования истории империй являются важным и актуальным направлением научного поиска в последние десятилетия. Появляются новые подходы и оценки, постепенно отказываются от упрощенных схем, зачастую характерных для предшествующей историографии. Так, серьезное внимание уделяется преодолению так называемого колониального подхода к пониманию империи, предлагаются альтернативные модели¹. Выходят обобщающие работы, посвященные имперскому измерению российской истории. Основное внимание в различных трудах сосредоточено на внутренней политике России на ее имперских окраинах: западных, восточных, южных². Между тем вполне перспективным видится применение определенных подходов и концепций в отношении политики России на примыкающих территориях соседних государств. Так, предложенная С.В. Любичанковским аккультурационная модель понимания империи³ вполне применима для тех процессов, что происходили в начале XX в. в приграничном регионе между Россией и Каджарским Ираном.

¹ Новейшие публикации по теме российской имперской политики см.: Электронный научно-образовательный журнал «История». 2024. Т. 15. Вып. 1 (135). Региональная история России от империи к XXI веку: к 280-летию Оренбургского края // URL: <https://history.jes.su/s207987840029605-4-1/> (дата обращения: 15.05.2024). О течениях и подходах в современной историографии колониализма, империализма и т.д. см.: Мирзеханов В.С. Феномен колониализма в мировой истории: темы и тенденции новейшей историографии // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. Специальный выпуск. URL: <https://history.jes.su/s207987840025639-1-1/> (дата обращения: 15.05.2024).

² См., например: Западные окраины Российской империи. М., 2006; Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007; Сибирь в составе Российской империи. М., 2007; Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008; Кушко А., Таки В. (при участии Грома О.) Бессарабия в составе Российской империи (1812–1917). М., 2012.

³ Любичанковский С.В. Аккультурационная модель понимания империи как методологическая альтернатива колониальному подходу // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. Вып. 8 (82). URL: <https://history.jes.su/s207987840006065-0-1/> (дата обращения: 16.05.2024). Хотя он и определяет аккультурацию как «культурное влияние в рамках единого государственного организма, ставящее целью создать из новоприсоединенных жителей лояльных имперских подданных с собственной этноидентичностью», в той же статье он отмечает, что для осуществления

В частности, одним из важных и недостаточно изученных процессов в истории российской политики в Иране в начале XX в. является российская земле(вла)дельческая колонизация региона, начавшаяся незадолго до Великой войны и продолжавшаяся в военные годы⁴. Первые, еще стихийные поселения русских крестьян в регионе возникли после 1907 г. Постепенно число переселенцев росло, возникали новые деревни. Параллельно шел процесс формирования крупного землевладения в Астрабадской и Мазандеранской провинциях, начало которому было положено консулом в Астрабаде (современный Горган) К.В. Ивановым: он приобрел имение неподалеку от города. Его примеру последовали другие российские чиновники, офицеры, частные лица, они стали владельцами земель в приграничных областях Ирана. Достаточно скоро (и не без участия консула) этими процессами заинтересовались в Петербурге, представители МИД, а также Главного управления землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ, с 1915 г. — Министерство земледелия) начали выработать политическую линию в отношении происходившего.

Среди вопросов, занимавших умы имперских чиновников в связи с развивавшимся переселенческим движением и землевладением в приграничных провинциях Ирана, немало важное место занимало идеологическое обоснование оправданности и необходимости активной политики в регионе, его освоения. Существенное значение здесь имели соображения вполне прагматического характера, но и они вписывались в некий более широкий контекст, включавший базовые и общераспространенные представления эпохи. В этом смысле актуальной исследовательской задачей является выявление ключевых понятий и категорий, использованных для описания, осмысления и репрезентации происходивших процессов. Их знание даст лучшее понимание внутренней логики действий ключевых акторов со стороны Российской империи, позволит представить более объемную картину многомерного взаимодействия между Россией и Ираном Каджаров, отнюдь не сводившегося к межгосударственным отношениям по линии Петербург — Тегеран, либо межимперскому соперничеству России и Британии.

В числе наиболее любопытных категорий такого рода необходимо назвать «культурное завоевание». Это понятие, как и смежные/синонимичные — «экономическое завоевание», «культурно-экономическое завоевание» и т.п., фигурирует во многих текстах эпохи Первой мировой войны, связанных с российским проникновением в Персию, прежде всего в ее северные регионы, входившие в российскую сферу влияния. Дипломатическая переписка, консульские донесения, проекты концессий, отчеты чиновников Переселенческого управления ГУЗиЗ, публицистика и т.п. — эти источники позволяют увидеть смысл понятия и контексты его употребления, проанализировать его инструментальное значение в ряду тех идеологов, что составляли общее поле дискурса имперской экспансии, явным и неявным образом задававшее базовые рамки осмысления проблематики, стиль мышления и пути достижения целей не только на общегосударственном уровне, но и на уровне частной инициативы, вписанной как в общеимперские проекты, так и в контекст международной политики.

Категория «культурное завоевание» использовалась прежде всего в связи с активизацией российского проникновения в Северную Персию в годы, предшествовавшие войне. Это понятие служило некой формой, которая могла вместить многообразное содержание.

аккультурации как культурного воздействия одного общества на другое без их смешивания в ходе культурного обмена «даже не обязательно находиться в рамках единого государственного организма, это может быть культурный обмен на фронтире, между населением двух соседствующих друг с другом стран и тому подобное».

⁴ См., например: *Гинзбург А.И.* Из истории возникновения русских поселений в Северном Иране // Из истории Средней Азии (дореволюционный период). Сб. статей. Ташкент, 1965. С. 30–36; *Канода Н.Н.* Переселенческие поселки в Закаспийской области. (Конец XIX — начало XX в.) Ашхабад, 1973; *Сухоруков А.Н.* Русские поселения на севере Ирана в начале XX века // Россия и Восток: культурные связи в прошлом и настоящем. Материалы Международной научной конференции (IX Колосницынские чтения), 16–17 апреля 2014 г. Екатеринбург, 2014. С. 282–287.

При этом словосочетание встречалось достаточно часто, не будучи исключительно порождением публицистических попыток интеллектуализации весьма банальных рыночно-экономических процессов. Напротив, сами их акторы выступали в качестве носителей и распространителей соответствующего дискурса, который должен был в этом случае выполнять вполне инструментальную функцию дополнительного идейно-политического обоснования ценности тех или иных проектов не перед абстрактной читающей публикой, а перед правительственными чиновниками.

Это наглядно видно на примере различных концессий в Астрабадской и Мазандеранской провинциях, которые пытались получить российские предприниматели, рассчитывая на поддержку внешнеполитического ведомства. В марте 1914 г. войсковой старшина А.С. Святополк-Мирский обратился в МИД с ходатайством о скорейшем засвидетельствовании осуществленной им сделки на покупку 100 тыс. десятин земли в долине р. Горган (старое написание — Гюрген) для орошения и эксплуатации⁵. Параллельно с ходатайством его доверенное лицо подполковник в отставке А.Г. Ананьев представил записку о значении Гюргенской концессии. Преамбула к концессионному проекту весьма примечательна:

«Ввиду возрастающего стремления наших западных соседей к культурному завоеванию стран ближнего востока, всякое русское начинание в подобном же направлении является действием мудрым и патриотическим.

Одним из самых могущественных средств распространения культурно-экономического влияния на северную Персию представляется — приобретение в собственность и аренда лицами русского происхождения пустынных персидских земель для целей искусственного орошения»⁶.

Далее отмечалось, что «кроме общего культурного значения, заключающего (так в тексте. — А.Л.) в том, что создастся обширный благоустроенный район для жизни сотен тысяч людей», предлагаемый концессионный проект обладал важным значением в политическом, экономическом и военном отношениях. Так, в политическом отношении в сфере влияния России, причем непосредственно в приграничной полосе, возникнет крупное русское предприятие, «которое с радостью приветствуется местными кочевыми туркменами, видящими в начинании Святополк-Мирского залог их благополучия, так как многие из них осядут на орошенных землях». В экономическом смысле «предприятие явится на помощь кочевым туркменам, переживающим историческую эволюцию перехода от кочевой к оседлой жизни», а также создаст значительный район для русского переселения, послужит интересам российского хлопкового рынка. И даже в военном плане, помимо улучшения стратегической обстановки вспомогательных отрядов, которые будут оперировать в провинции и смогут опираться на «богатую Гюргенскую концессию», «существующие в настоящее время добрые наши отношения с воинственными туркменскими племенами, будут закреплены самым реальным образом путем улучшения экономического быта туркмен. Ясно, что туркмены явятся нашими надежными аванпостами»⁷.

Итак, документ позволяет увидеть, что под «культурным завоеванием» его составитель подразумевал в первую очередь хозяйственно-экономическое освоение важного приграничного региона. Однако оно, как видим, не сводилось только лишь и исключительно к получению прибыли концессионерами, либо же к решению экономических задач Российской империи в регионе, прежде всего развитию здесь хлопководства. Отметим акцент, который сделан на значении предполагаемого предприятия для обустройства края в целом, для его «окультуривания». Важным элементом рассуждений выступает значение концессии для приобщения к цивилизации местных туркмен, причем «цивилизующее» влияние

⁵ Телеграмма Святополк-Мирского. Астрабад, 4 Марта 1914 г. // Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 144. Оп. 489. Д. 4976. Л. 63.

⁶ Гюргенская концессия А.С. Святополк-Мирского // Там же. Л. 65.

⁷ Там же. Л. 65–66.

должно проявиться в содействии их переходу к оседлости⁸, а также в общем улучшении хозяйственно-бытовых условий жизни.

Весьма интересна и характеристика, данная концессии Святополк-Мирского российским пограничным комиссаром в Иране генерал-майором К.В. Лавровым. Базируясь в иранской части Туркменской степи (Гомбеде-Кавус), он непосредственно занимался взаимодействием с туркменами и играл важную роль в регионе. Показательно, что в отчете за 1913 г. Лавров уделяет существенное (и благожелательное) внимание проекту Гюргенской концессии. Он начинает с важности для интересов России переселенчества в Горгано-Атрекский район, необходимости правительственной поддержки в приобретении земель, перечисления местных непростых условий. Комиссар отмечает, что для туркмен и русских переселенцев становится доступным огромный фонд земель по правому берегу р. Горган, который нельзя было использовать ранее по причине отсутствия там орошения. Описание преобразований, которые должны наступить в жизни края после реализации проекта, характерным образом перекликается с запиской Ананьева.

«Призываемой ею (Гюргенской концессией. — *А.Л.*) к жизни мертвый правый берег, при намерении заселить его исключительно русским элементом, явится для переселенцев левого берега естественным выходом из создавшегося там тяжелого положения. ...Преследуя чисто коммерческие цели, Гюргенская концессия, однако, обязуется служить в этом крае исключительно русским интересам. Созданием этой концессии делается крупный шаг к культурному завоеванию Астрабадской провинции»⁹.

Здесь же Лавров в нескольких пунктах излагает то, что в его представлении и является содержанием «культурного завоевания». Итак, появление ряда крупных русских поселений, «сплоченных и организованных ее администрацией», составит «надежный оплот против всяких неприязненных покушений». «Высокая культура» этого района обеспечит «шаткое теперь экономическое положение» лежащей неподалеку Атрекской линии. Свою пользу от концессии получит туркменское население края, причем она «ими заранее учитывается и послужит лишним звеном к укреплению добрососедских отношений». Предприятие послужит и интересам российской промышленности, уменьшив ее зависимость от американского хлопка¹⁰.

В заключение своих рассуждений Лавров встраивает международный контекст и междержавную конкуренцию: «Политический момент в настоящее время таков, что к культурному завоеванию Персии стремятся все великие державы. Англичане, немцы, французы, даже бельгийцы и шведы шлют своих подданных в Персию, облегчают им создание концессий и торговых предприятий. Нужно смотреть как на нашу общую победу и торжество, когда в недалеком будущем под русское хлопководство отойдет значительная площадь этой плодородной персидской провинции»¹¹.

В предлагаемой схеме концессия выступала не просто в своем прямом качестве коммерческого предприятия, но, приобретая много более важные измерения, как средство «культурного завоевания» Астрабадской провинции. Они включали и мотивы возрождения края («призвание к жизни мертвого правого берега» Горгана), и идею «возвращения» цивилизации. Очевидным образом присутствует логика прогрессизма в отношении бытовой и материальной культуры местных туркмен, которые должны быть благодетельствованы. Показателен и мотив конкуренции с иностранцами, которые также стремятся к «культурному завоеванию» Персии, а значит необходимо опередить их, выступив в качестве пионеров приобщения региона к европейской цивилизации, что будет содействовать общему престижу России, а также даст ей прямые материальные бонусы.

⁸ Оседлый образ жизни трактовался как более «прогрессивный», «цивилизованный» в сравнении с кочевым.

⁹ Отчет российского пограничного в Персии комиссара. За 1913 год. Копия // АВПРИ. Ф. 144. Оп. 489. Д. 4976. Л. 123.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Л. 123–123 об.

Схожие мотивы обнаруживаются и в иных проектах, поступавших в МИД. Так, в поданном в январе 1914 г. прошении генерал-майора А.С. Потапова о поддержке его предприятия обнаруживаются все те же мысли¹². Хотя он и не использует выражение «культурное завоевание», здесь также присутствует идея «цивилизации» края: «Излишним считаю настаивать на том, какое важное значение имело бы заселение русскими по национальности колонистами бассейна р. Гюрген и, следовательно, образование культурной полосы, которая разъединяла бы туркменские кочевья в сопредельном с Закаспийской областью районе и явилось бы значительным шагом нашим в смысле экономического проникновения в глубь Персии»¹³.

И здесь обнаруживается создание «культурной полосы», увязываемой с «экономическим проникновением». Обращалось внимание правительства и на необходимость скорейшего закрепления в важном приграничном регионе, чтобы опередить иностранцев, уже проявляющих серьезный интерес к краю¹⁴.

Предлагаемая концессия также была оросительной. Кроме того, предприниматель был намерен развивать инфраструктуру региона, обеспечивать местных жителей предметами обихода через ряд складов русских товаров, устраивать промышленные заведения¹⁵. Итак, и в этом проекте видна обширная программа развития края, его «окультуривания», «цивилизации».

Рассмотренные примеры отчетливо демонстрируют, что подразумевали российские предприниматели под «культурным завоеванием» Астрабадской провинции (очевидно, что эта логика может быть распространена и на иные регионы Ирана). Само слово «культура» выступает здесь во многих своих ипостасях, но что характерно, в том числе как вполне первоначальная античная *cultura* — обработка, возделывание земли. Видно и указание на преимущества хозяйственного освоения края, развитие здесь хлопководства (как стратегической для России отрасли) и других культур, становление промышленных предприятий (прежде всего обрабатывающих). Явно обнаруживается желание показать благотворность «культурного завоевания» для местного населения, прежде всего туркмен, которые будут «приобщаться цивилизации», переходить к оседлости и т.п. В проектах уделяется внимание развитию инфраструктуры, гуманитарной миссии. Отдельной темой звучит необходимость осуществить «культурное завоевание» первыми, опередив иностранцев.

Как видим, использование дискурса «культурного завоевания» было важным элементом обоснования вполне прагматических проектов по созданию предприятий в перспективной приграничной провинции. Это были устойчивые распространенные формулы, к которым обращались не в силу личных идеалистических побуждений. И в лице государственных служащих, непосредственных проводников российской политики, подобный язык был нормативным. Это позволяло избежать ненужных дипломатических сложностей в отношениях как с Ираном, так и с другими государствами, в том числе с Британией, и без того в эти годы непрерывно упрекавшей российскую сторону в нарушении положений конвенции 1907 г.¹⁶

¹² Подробнее о концессионном проекте этого генерала см.: *Ларин А.Б.* «Самая личность г. Потапова не внушает нам никакого доверия»: российское землевладение в Северном Иране и концессионные проекты генерала авантюриста // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2024. Т. 15. Вып. 1 (135). URL: <https://history.jes.su/s207987840030111-1-1/> (дата обращения: 17.05.2024). О перипетиях его биографии см.: *Дамье В.В.* Русский генерал и китайские радикалы // *Россия и современный мир*. 2018. № 3. С. 30–51.

¹³ Прошение потомственного дворянина Алексея Степановича Потапова, поданное им в императорское Министерство иностранных дел 12 января 1914 года // *АВПРИ. Ф. 144. Оп. 489. Д. 4976. Л. 22.*

¹⁴ Там же. Л. 21 об.–22.

¹⁵ Там же. Л. 22–22 об.

¹⁶ См., например: *Annual Report on Russia for the year 1913 // British Documents on Foreign Affairs: Reports and Papers from the Foreign Office Confidential Print. Pt.I. Ser. A. Russia, 1859–1914 / ed. D. Lieven. Vol. 6. Russia, 1910–1914. Washington, 1983. Doc. 172. P. 359–362; Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата. Воспоминания, мемуары. М.; Минск, 2001. С. 86–90.

Характерно в этом отношении письмо министра иностранных дел С.Д. Сазонова посланнику в Тегеране И.Я. Коростовцу, в котором он высказывает соображения по переселенческому вопросу. В финальной части рассуждений он постулирует: «Что же касается захвата нами этого района, то, имея чисто культурно-экономический характер, он может лишь послужить на пользу персидского правительства, которому будут вполне обеспечены поземельный и иные доходы в этой местности, ныне, как нам доподлинно известно, ничего не приносящей персидской казне; независимо от того, оживление земель по Гюргену и появление там русского элемента будет, несомненно, способствовать прекращению опустошительных набегов туркмен на окрестное персидское население и окажет просветительное влияние на этих кочевников»¹⁷. В предлагаемой риторике «захват» района носил «чисто культурно-экономический характер», что, видимо, должно было успокоить Тегеран.

Схожим образом и сам Коростовец заверял иранцев в этом отношении, объясняя как членам шахского правительства, так и представителям прессы, что у России в регионе «первостепенные экономические интересы», а «мирное проникновение русского элемента выгодно для самих персов», поскольку обогатит край и даст новые доходы казне¹⁸. Видно, что идея о благотворности российского экономического присутствия в Иране была важным элементом официального дискурса и неизменным средством репрезентации проводимой политики, долженствующим представить происходившие процессы диффузной экспансии в нужном свете на дипломатическом уровне.

Насколько искренними были эти заявления? Нужно признать, что в приведенных формулировках присутствовала изрядная доля лукавства. В этом же письме министр, ссылаясь на донесение Иванова от 16 декабря 1913 г. за № 62¹⁹, выражал принципиальное согласие с его позицией о желательности расширения русского землевладения в Северной Персии, особенно в районе р. Горган. Отметив потенциальные экономические выгоды, он также указывал, что «и в политическом отношении проникновение именно в этот район русского элемента может иметь для нас большое значение»²⁰. Этот тезис он обосновывал соображениями из области политической этнографии и географии приграничного региона между русско-иранской границей на севере (по р. Атрек) и р. Горган (с прилегающими территориями) на юге. Указав на неудачный характер проведенного в 1881 г. размежевания, в результате которого область обитания и кочевий туркмен оказалась разделена на русскую и иранскую части, он подчеркивал, что власть Тегерана никогда не распространялась на туркменские земли. И хотя вопрос переноса границы на Горган поднимался во властных кругах, по политическим соображениям (в особенности после заключения конвенции 1907 г.) его решение было признано в тех условиях неосуществимым²¹. Требовался какой-то альтернативный подход.

Сазонов формулировал достаточно прямо: «Для закрепления нашего настоящего положения в этой части пограничной полосы Персии и предотвращения возможного в будущем подчинения туркмен окрепшему шахскому прав[ительств]ву нам остается только прибегнуть к косвенным путям, одним из коих... было бы сплошное заселение долины Гюргена русским элементом, который служил бы, так сказать, барьером, отделяющим туркмен от

¹⁷ Министр иностранных дел посланнику в Тегеране Коростовцу. Письмо № 86. 1 (14) февраля 1914 г. Доверительно // Международные отношения в эпоху империализма: документы из архивов царского и Временного правительств (МОЭИ). 1878–1917. Сер. 3. 1914–1917. Т. 1. М.; Л., 1931. № 255. С. 325.

¹⁸ Делеша посланника в Тегеране. 14 марта 1914 г. № 17 // АВПРИ. Ф. 144. Оп. 489. Д. 4976. Л. 76 об.–77.

¹⁹ Подробнее о его роли в развитии переселенческого дела в Астрабадской провинции см.: *Ларин А.Б.* «Сами персы ничего не предпримут для поднятия края»: консул К.В. Иванов о проблемах и перспективах российского переселенчества и землевладения в прикаспийских провинциях Ирана (начало XX в.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. Вып. 9 (131). URL: <https://history.jes.su/s207987840028442-5-1/> (дата обращения: 17.05.2024).

²⁰ Министр иностранных дел посланнику в Тегеране Коростовцу. Письмо № 86. С. 322.

²¹ Там же. С. 322–323.

персов»²². Министр смотрел на переселенчество, как и на другие пути освоения региона, как на инструмент, позволяющий не только осуществлять хозяйственные задачи, но и стать паллиативным способом разрешения вопроса о границе.

Подобная логика прослеживается и у многих иных вовлеченных лиц. Коростовец в ответной депеше на письмо Сазонова, излагая свои мысли по проблеме колонизации русскими переселенцами туркменских земель в районе Горгана, также подчеркивал несомненность пользы «от закрепления за Россией этого района», задаваясь при этом вопросом, «как легче и беспрепятственнее осуществить эту цель»²³.

Иванов в заключительной части донесения, ставшего важным этапом в обсуждении проблемы переселенчества, писал: «Вообще же я думаю, что если нельзя разрубить гордиев узел и просто провести нашу границу по водоразделу и мы вынуждены ограничиваться экономическим завоеванием края, то следовало бы, по крайней мере, поставить последнее так, как принято теперь ставить все промышленные предприятия, давая им с самого начала полное оборудование, т.е. поспешить проведением сюда железной дороги, без коей экономическое завоевание нами края обречено идти черепашьим шагом и на массу жертв»²⁴.

В изложении Иванова особенно отчетливо видно, что для него «экономическое завоевание края» есть вынужденный путь, используемый постольку, поскольку политические обстоятельства не позволяют перенести границу империи к берегам Горгана. Государственные деятели накануне Великой войны исходили из существующего положения дел, прежде всего обусловленного договоренностями с Великобританией 1907 г. В то же время политические интересы в приграничной провинции, желание объединить под своим контролем все туркменское население, а также озабоченности по поводу безопасности этого участка пограничья, воспрепятствование активизации иностранцев в стратегически важном регионе в условиях обострения международной напряженности²⁵ требовали поиска возможных путей решения этих задач.

При этом в годы войны, когда процессы переселенческой колонизации продолжали развиваться, а степень вовлеченности государства в них только возрастала, высказывания разных лиц, прежде всего чинов Переселенческого управления ГУЗиЗ, о желательности включения прикаспийских провинций в состав Российской империи стали более прямыми и откровенными. Не вдаваясь более глубоко в рассмотрение этого вопроса, стоит отметить, что, к примеру, в отчете о работах Переселенческого управления за 1915 г. в заключении к разделу о колонизации Северной Персии после перечисления возможных преимуществ говорится: «Эти ожидаемые выгоды от присоединения прикаспийской Персии, конечно, лишь в слабой степени искупили бы те жертвы, которые постоянно приносила Россия в дело умиротворения смуты в Персидском государстве»²⁶. Подобная откровенность и прямота во многом должны объясняться обстоятельствами военного времени. В условиях высокой неопределенности, сильно расширившегося набора возможностей изменения

²² Там же. С. 323.

²³ Депеша посланника в Тегеране. 14 марта 1914 г. Л. 76.

²⁴ Выписка из секретного донесения российско-императорского консула в Астрабаде от 16 декабря 1913 года, за № 62 // АВПРИ. Ф. 144. Оп. 489. Д. 240. Л. 147–147 об.

²⁵ Подробнее о взаимосвязи вопросов развития российской земле(вла)дельческой колонизации прикаспийских провинций и обеспечения безопасности Российской империи в данном регионе см.: Ларин А.Б. Политика колонизации как политика безопасности: российское переселенчество в Астрабадскую провинцию Ирана в эпоху Великой войны // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. Вып. 11 (133). URL: <https://history.jes.su/s207987840029145-8-1/> (дата обращения: 17.05.2024).

²⁶ Переселение и землеустройство за Уралом в 1915 г. (Отчет о работах Переселенческого управления за 1915 г.). Пг., 1916. С. 312.

политической географии в случае успеха чиновники управления пытались артикулировать свои представления о желательном исходе²⁷.

Однако вопрос о «культурном завоевании» провинций южного Прикаспия нельзя сводить исключительно к средству опосредованного решения пограничного вопроса в Астрабадской провинции. Этот частный случай является показательным, но не должен рассматриваться в отрыве от общего контекста имперской политики в Северной Персии. Прежде всего, интересы России простирались далеко за пределы бассейна Горгана в Астрабадской провинции. Они включали и Мазандеран, и Гилян, и лежащий к западу от последнего Иранский Азербайджан etc. Да, наибольшее внимание уделяется Астрабаду, но это обусловлено, во-первых, непосредственным примыканием провинции к Закаспийской области (что требовало внимания к обеспечению стратегической безопасности), во-вторых, именно сюда по понятным причинам пошел первоначальный поток колонистов.

Сама же категория «культурное завоевание» (и схожие) должна интерпретироваться шире и универсальнее. Она, как видится, достаточно тесно сопряжена с понятием «русское дело в Персии», которое трактовалось многозначно, но в целом ассоциировалось с комплексом мероприятий и задач, которые стояли перед Российской империей в деле освоения Ирана, обеспечения там международных и внутривосточных интересов (которые в данном случае не получили отчетливо разграничить)²⁸. Традиционный подход к российско-иранским отношениям как к межгосударственным связям Петербурга и Тегерана (при активной роли Лондона), либо даже акценты на экономической экспансии России в Северной Персии, обращении ее в «полуколонию», не отражает в полной мере происходивших процессов. Подходы империи в регионе можно было бы определить в качестве «диффузной экспансии», когда сопредельные территории не рассматривались как зона исключительного суверенитета другой страны, а выступали объектом поэтапного освоения.

Его пути и формы, способы интеграции в «неформальную империю» могли быть различными, включение в политические границы России вовсе не было обязательным итогом (хотя война, конечно, серьезно подвинула границы потенциальных вариантов). В числе наиболее перспективных в предвоенные и военные годы виделось развитие земле(вла)дельческого освоения региона. Этот процесс происходил в двух основных, во многом пересекающихся вариантах. Первый, это формирование крупных земельных владений, в том числе обширных концессий, предполагавших не просто ведение земледельческого хозяйства, но развитие других форм экономической деятельности (о них шла речь выше). Вторым вариантом, наиболее интересным с точки зрения многих чиновников, было поощрение крестьянской переселенческой колонизации.

Именно этот вариант виделся предпочтительным как в МИД, так и в ГУЗиЗ. Последнее ведомство было весьма активно вовлечено в обсуждение и реализацию курса, направленного на поощрение, содействие и координацию процесса крестьянского переселения в прикаспийские провинции Персии. Его представители оставили значительные и интересные материалы, где высказывали свои взгляды как на этот вопрос непосредственно, так

²⁷ См. об этом подробнее: *Ларин А.Б.* «Новая Апельсиния»: апология проникновения в Мазандеран и Астрабад в публикациях чинов российского переселенческого ведомства // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Вып. 6 (104). URL: <https://history.jes.su/s207987840016274-0-1/> (дата обращения: 17.05.2024).

²⁸ О категории «русское дело» см., например: *Ремнев А.В., Суворова Н.Г.* «Обрусение» азиатских окраин Российской империи: оптимизм и пессимизм русской колонизации // Исторические записки. М., 2008. № 11 (29). С. 132–179; *Их же.* «Русское дело» на азиатских окраинах: «русскость» под угрозой или «сомнительные» культуртрегеры // *Ab imperio*. 2008. № 2. С. 157–222; *Их же.* Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века. Омск, 2013. Применительно к Туркестану также: *Цыряпкина Ю.* «Борьба за русское дело»: имперская колонизация Туркестана // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10. № 5. С. 1625–1641. О «русском деле в Персии» см. подробнее: *Ларин А.Б.* «Русское дело в Персии»: содержание и интерпретации понятия в конце XIX – начале XX вв. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Вып. 3 (101). URL: <https://history.jes.su/s207987840014605-4-1/> (дата обращения: 17.05.2024).

и в целом на задачи и цели российской политики в регионе, перспективы его освоения. Эти тексты позволяют понять их видение процесса «культурного завоевания», с явным акцентом на роль крестьянской колонизации южного Прикаспия.

Конечно, при обосновании необходимости активного освоения края звучали тезисы ориенталистского²⁹ толка. Например, начальник Переселенческого управления Г.Ф. Чиркин в составленной по итогам командировки «Отчетной записке о поездке весной 1916 г. в Астрабадскую и Мазандеранскую провинции Северной Персии» дает следующую характеристику края: «Огромные площади свободной и плодородной земли. Ценнейшие рыбные и лесные богатства. Обильные выходы нефти, крупные залежи каменного угля, меди и железной руды. Причудливое сплетение гор и долин при субтропическом климате — естественное политическое и экономическое тяготение туземного населения к соседней великой Державе — России... Таковы Мазандеранская и Астрабадская провинции Персии»³⁰. Подобного рода описаний, показывающих все выгоды и перспективы освоения края, приводилось множество. Основные плюсы выделялись в превращении провинций в важный район хлопководства для обеспечения российской промышленности, в снабжении внутренних регионов России строевым материалом, древесиной и дровами, а также южными фруктами и иными плодами.

При этом отмечалось, что все эти богатства и ресурсы не используются. Как писал другой сотрудник ведомства Б.В. Бессонов: «Северное побережье Персии... представляет собою край, сулящий громадные возможности в будущем, но пока полный нетронутых богатств»³¹. Постулировалось, что в текущем плачевном состоянии государство и общество Ирана не способны их освоить, так как величие и слава страны остались в прошлом. Отсылки к истории встречаются часто, преимущественно для того, чтобы подчеркнуть, оттенить безотрадное настоящее³² и необходимость «освоения» региона. Так, финальный абзац записки в обоснование концессии Святополк-Мирского выдержан в отчетливо ориенталистских тонах и отсылает читателя к былой славе края: «В заключение необходимо упомянуть, что долина реки Гюргена входила в состав древнего Парфянского Царства, о благоустройстве и культуре которого свидетельствуют многочисленные развалины городов и следы значительных оросительных систем»³³. Российское «культурное завоевание» должно было восстановить эту связь времен, вернуть процветание.

Итак, повторяющаяся во многих текстах схема была достаточно незамысловата и основывалась на описании разнообразных богатств края, его природных ресурсов; неспособности ни местного населения, ни властей (в силу приписываемых им характеристик) в полной мере их использовать; благотворности и существенной пользы, которую приобрело бы и население, и персидское государство от расширения российского присутствия, прежде всего от крестьянской колонизации этих земель. Все это создавало некую законченную картину необходимого «культурного завоевания», базирующуюся главным образом на представлении о «цивилизаторской миссии» России³⁴.

Обширная крестьянская колонизация должна была сыграть ключевую роль в процессах «культурного завоевания» края, решить как частные, так и более широкие задачи Российской

²⁹ Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006.

³⁰ Чиркин Г.Ф. Отчетная записка о поездке весной 1916 г. в Астрабадскую и Мазандеранскую провинции Северной Персии. Пг., 1916. С. 42.

³¹ Бессонов Б.В. Русские переселенцы в Северной Персии. Пг., 1915. С. 88.

³² Там же. С. 25–26.

³³ Гюргенская концессия А.С. Святополк-Мирского. Л. 66.

³⁴ О цивилизаторской миссии, идеях превосходства, иерархии, вопросах отношения к неевропейскому населению и проч. см., например: Мирзеханов В.С. Идея превосходства и расовая иерархия во французской колониальной культуре // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2014. Т. 5. Вып. 4 (27). URL: <https://history.jes.su/s207987840000720-1-1/> (дата обращения: 21.05.2024); Его же. XIX век в мировой истории (к выходу V тома «Всемирной истории») // Новая и новейшая история. 2015. № 4. С. 3–19.

империи в регионе. Так, эти воззрения отражены в работе «Русская колонизация Астрабадской провинции в Персии» А.М. Сахарова, заведовавшего делом переселения. Вслед за министром иностранных дел он делал акцент на том, «какой большой политический вес имеет для нас колонизация долины Гюргена», подчеркивая, что она позволила бы разрешить «давно наболевший вопрос неудачного размежевания с Персией». Его резюме: «Таким образом, мирное завоевание Гюргена переселенцами исправит нашу старую ошибку и выполнит задачу, которая при иных обстоятельствах была бы по плечу лишь военной силе»³⁵.

Большое значение Сахаров отводил крестьянской колонизации и в деле укрепления экономических позиций России в регионе, что тесно увязывалось им с необходимостью борьбы с соответствующим влиянием Германии, желанием «с корнем вырвать распускающийся цветок немецкой торговли»³⁶. Он отмечал, что северная и центральная Персия, соединенные с «внутренней Россией» удобным водным путем, являются ее естественным рынком, на котором не составит труда «убить всякую конкуренцию наших западных соседей». Колонизация Астрабадской (и Мазандеранской) провинции, создав «прочный опорный пункт» для российской торговли в Иране, существенно облегчит задачу. Дальнейшее звучит уже практически как армейские планы «завоевания»:

«Контингент переселенцев в скором времени может дать значительное количество агентов, детально знакомых с условиями местного рынка. Покупная способность самих переселенцев, оживив и расширив русскую торговлю, привет местному населению потребность во многих наших фабрикатах, не находящихся до сих пор в Персии никакого сбыта (особенно это относится к области сельскохозяйственных орудий). Посредством базаров, молочных лавок и разъездных торговцев предметы ежедневного обихода русской фабрики потекут непрерывным потоком во все глухие уголки северной Персии. Колонизация, наконец, укрепит в крае русскую власть, расширит связи с туземцами, улучшит пути и средства сообщения, увеличит кредитные обороты русского банка, оживит пароходство по Каспийскому морю и поставит ребром давно назревший вопрос о скорейшем осуществлении мероприятий по урегулированию навигационных условий по южному берегу Каспия... Несомненно, что косвенная колонизация ускорит также разрешение крайне важных для России железнодорожных проблем в Персии, сводящихся к устройству линий, связующих самые важные торговые центры Ирана (Хамадан, Тегеран и Решт, Тавриз и Ардебиль, Шахруд и Астрабад) с Каспийским морем»³⁷.

Сахаров заключал, что если в политическом отношении переселенческая колонизация является «оружием, направленным против Германии», то в экономическом она служит «одним из важных стимулов прочного завоевания нами персидского рынка». Специальное внимание он уделял перспективам хлопководства. Отметив подходящие условия для выращивания этой важной культуры, чиновник называл благоприятные последствия от предстоящей сельскохозяйственной эволюции, которая вернет «Гюргенской равнине то цветущее состояние, которым она пользовалась... еще тысячу лет назад»³⁸.

Наконец, Сахаров писал и о том, что «в связи с политическими и экономическими... задачами к югу от Каспия нельзя умолчать также и о культурной роли, предназначенной России на севере Персии». По его словам (и здесь он уходит от негативных ориенталистских характеристик), персы – «даровитый народ с подвижной, легко воспринимающей психикой». Их общекультурному и экономическому прогрессу препятствуют внутренняя анархия и религиозный фанатизм. Укрепление позиций России на севере Ирана, непосредственное знакомство с русскими позволит преодолеть эти препоны: принесет спокойствие в регион, сгладит религиозную нетерпимость и бытовую замкнутость населения. Постепенно будут внедряться европейские подходы к хозяйству, быту, медицине, станут

³⁵ Сахаров А.М. Русская колонизация Астрабадской провинции в Персии. Пг., 1915. С. 58.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. С. 59.

³⁸ Там же. С. 59–61.

популярными русский язык и образование. Здесь речь идет уже о «культурном завоевании» в узком смысле, о приобщении к русской/европейской культуре, о «цивилизаторской миссии». Резюмируя, он писал: «Но все это дело будущего. Чтобы достичь вышеотмеченных результатов, мы должны положить немало труда. Только сознательное уяснение наших национальных задач в Иране и неуклонная твердая политика в этом направлении поможет нам в скорейшее время и с меньшей затратой сил приобщить Персию в обще-европейской культуре (так в тексте. — А.Л.) и связать ее узами общих интересов с Россией»³⁹. Важнейшим средством решения «национальных задач» он полагал земледельческую колонизацию. Сахаров здесь не оригинален, его коллеги по Переселенческому управлению выражали схожие идеи и так же подчеркивали ключевую роль русских крестьян-переселенцев в деле «культурного», «экономического завоевания» Северной Персии, содействия ее прогрессу и цивилизации⁴⁰.

Неудивительно, что он стремится наметить программу практических мероприятий (помимо очевидного поиска и приобретения свободных земель), нацеленных на обеспечение потребностей переселенческого движения. Он рассматривает «религиозно-просветительные нужды», «врачебно-продовольственную и остановочную помощь», «ветеринарную помощь», «агрономические мероприятия», «ссудную денежную помощь», «землеотводно-межевые работы», «гидротехническую помощь», «дорожные работы»⁴¹. И так, чиновник предлагал как идейно-политическое, так и практическое обоснование крестьянского переселения.

Стоит обратить внимание и на то, что, подчеркивая первостепенную роль русского крестьянства в деле «культурного завоевания» прикаспийских провинций, представители государства зачастую достаточно критически/скептически высказывались относительно крупных землевладельческих концессий, концессий, организуемых российскими предпринимателями. В их бизнес-активности виделись угрозы. Уже в письме Сазонова Коростовцу наблюдается негативное отношение к идущему процессу формирования крупного землевладения⁴². В выкладках представителей ГУЗиЗ/Министерства земледелия в 1914–1916 гг. частных дельцов зачастую представляли в качестве главной опасности⁴³.

В чем же состояли эти угрозы «историческим национальным задачам» России, «русскому делу в Персии», о которых практически в одних выражениях писали чиновники этого ведомства? Во-первых, считалось, что частным предпринимателям гораздо выгоднее заселять свободные земли не русскими, а иранцами, их можно усиленно эксплуатировать, они менее требовательны в сравнении с русскими переселенцами и т.д. Во-вторых, для частного бизнеса и иранцев-колонистов самой выгодной, привычной и безубыточной культурой был рис. Однако его разведение требовало большого количества дефицитной воды, которая была нужна и для разведения хлопка. А именно в развитии хлопководства в наибольшей степени было заинтересовано российской правительство. Кроме того, специфика местного рисоводства способствовала распространению малярии. Наконец, существовали опасения, что крупных землевладельцев сложнее контролировать, а возможности диктовать свои условия у них будет больше, кроме того, не исключалось, что они станут приобретать земли со спекулятивными целями, а потому следовало спешить

³⁹ Там же. С. 61–62.

⁴⁰ Например: *Бессонов Б.В.* Указ. соч. С. 89–90.

⁴¹ *Сахаров А.М.* Указ. соч. С. 66–73.

⁴² Министр иностранных дел посланнику в Тегеране Коростовцу. Письмо № 86. С. 324.

⁴³ См., например: *Чиркин Г.Ф.* Указ. соч. С. 29. Ср.: Записка «О приобретении земель в Астрабадской и Мазандеранской провинциях Северной Персии через Учетно-Ссудный Банк Персии». Копия. В. Секретно // АВПРИ. Ф. 144. Оп. 489. Д. 4976. Л. 227; Доклад заведывающего переселением в Сыр-Дарьинском районе. 9 декабря 1916 г. № 7434. г. Ташкент. Копия // Там же. Л. 269 об.

с приобретением земель под крестьянскую колонизацию⁴⁴. Вероятность создания компаний иностранцами (особенно немцами), либо вступления российских предпринимателей с ними в сговор также не исключалась.

Вышеизложенное показывает, что категория «культурное завоевание» была важным элементом дискурса российского проникновения в Северный Иран, российской политики в этой стране в эпоху Великой войны. Она активно использовалась (в различных формах: «экономическое завоевание», «культурно-экономическое завоевание» и т.п.) как государственными деятелями, так и частными лицами, преследовавшими собственные коммерческие интересы, однако стремившимися к сотрудничеству с властями и говорившими с ними на одном языке. Понятие «культурное завоевание» было рамочным, не определялось отчетливо, что было оправдано и обоснованно, поскольку его использование позволяло преодолеть налагаемые международными соглашениями ограничения и проводить в приграничных провинциях Ирана желаемую линию. Его неопределенность в рассматриваемых контекстах вполне вписывалась в осуществляемое властями освоение прикаспийских провинций, некую «диффузную экспансию», позволявшую проводить внешнюю политику как внутреннюю и *vice versa*. Так или иначе, «культурное завоевание» Астрабадской и Мазандеранской провинций включало три основных компонента: политический, экономический и цивилизационный. Первый предполагал решение определенных государственно-политических задач в регионе, прежде всего паллиативное решение вопроса о переносе границы *de facto* (а при удачном стечении обстоятельств после войны – и *de jure*) южнее, а также обеспечение безопасности региона, примыкающего к «русскому Туркестану», от иностранцев. Второй – экономическое освоение края – предполагал включение его в народнохозяйственный комплекс империи. Третий подразумевал приобщение местного населения к русской/европейской культуре, его включение в более широкое пространство европейской цивилизации. Впрочем, последняя цель достигалась не только за счет узконаправленных мероприятий по распространению образования, просвещения среди жителей края, снабжения их медицинской помощью и т.д., но как интегральный итог всей политики.

Важно отметить, что при сходстве интерпретаций понятия, явно или неявно фигурирующего в различных текстах, имелись существенные различия в понимании средств, методов, оптимальных путей «культурного завоевания» прикаспийских провинций. Возникшие почти одновременно и развивавшиеся параллельно процессы формирования крупного русского землевладения, мощных концессий и крестьянской переселенческой колонизации встречали разное отношение со стороны представителей государственного аппарата. Несмотря на заявляемую лояльность предпринимателей, имевших виды на осуществление крупных концессий, стремление представить проекты в качестве инструмента осуществления общегосударственного дела, они встречали в целом подозрительное отношение со стороны представителей власти (хотя могли и получать поддержку, одобрение). Особенно острой критике крупные землевладельцы подвергались со стороны чиновников ГУЗиЗ/Министерства земледелия, видевших в их предприятиях угрозы для «русского дела в Персии». По их представлениям, агентами «культурного завоевания» Северной Персии, главными культуртрегерами в регионе должны были стать русские крестьяне-переселенцы⁴⁵. Конечно, в этом нельзя не усмотреть очевидной предвзятости и корпоративного интереса чиновников, непосредственно заинтересованных в продвижении собственного взгляда

⁴⁴ См. аргументацию против крупных землевладельческих предприятий, совпадающую в том числе и текстуально: *Чиркин Г.Ф.* Указ. соч. С. 29–31. Ср. с поданной в Совет министров летом 1916 г. запиской за подписью министра земледелия А. Наумова (но очевидно составленной и контрассигнованной Чиркиным): «О приобретении земель...» (Л. 227–229); Доклад заведывающего... (Л. 269–270 об.). Причем Сахаров в этом докладе предлагал для обеспечения «русских национальных задач» наложить достаточно жесткие ограничения на права распоряжения крупными латифундиями.

⁴⁵ Вопрос, насколько переселенцы в приграничных провинциях Ирана в действительности были способны к выполнению этой миссии, требует специального рассмотрения. См.: *Ремнев А.В., Суворова Н.Г.* «Русское дело» на азиатских окраинах. С. 157–222.

на вопрос (пользовавшегося, надо сказать, поддержкой и в МИД). Впрочем, нельзя отрицать и вполне искренних соображений, которыми могли руководствоваться представители Переселенческого ведомства, владевшие ситуацией на местах. Так или иначе, это были споры о тактике «культурного завоевания», в то время как сама по себе цель — интеграция обширных пространств южного Прикаспия в общее пространство империи (экономическое, культурно-цивилизационное, в пределе — государственно-политическое) — не вызвала сомнений. Это неудивительно, учитывая общий контекст эпохи Великой войны, ассоциируемый с глобальным переустройством миропорядка и конкуренцией различных взглядов на контуры лучшего будущего.

Библиография

- Бессонов Б.В.* Русские переселенцы в Северной Персии. Пг., 1915.
- Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата. Воспоминания, мемуары. М.; Минск, 2001.
- Гинзбург А.И.* Из истории возникновения русских поселений в Северном Иране // Из истории Средней Азии (дореволюционный период). Сборник статей. Ташкент, 1965. С. 30–36.
- Дамье В.В.* Русский генерал и китайские радикалы // Россия и современный мир. 2018. № 3. С. 30–51. Западные окраины Российской империи. М., 2006.
- Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007.
- Канода Н.Н.* Переселенческие поселки в Закаспийской области. (Конец XIX — начало XX в.). Ашхабад, 1973.
- Кушко А., Таки В.* (при участии Грома О.) Бессарабия в составе Российской империи (1812–1917). М., 2012.
- Ларин А.Б.* «Сами персы ничего не предпримут для поднятия края»: консул К.В. Иванов о проблемах и перспективах российского переселенчества и землевладения в прикаспийских провинциях Ирана (начало XX в.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. Вып. 9 (131). URL: <https://history.jes.su/s207987840028442-5-1/> (дата обращения: 17.05.2024).
- Ларин А.Б.* «Новая Апельсиния»: апология проникновения в Мазандаран и Астрабад в публикациях чинов российского переселенческого ведомства // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Вып. 6 (104). URL: <https://history.jes.su/s207987840016274-0-1/> (дата обращения: 17.05.2024).
- Ларин А.Б.* Политика колонизации как политика безопасности: российское переселенчество в Астрабадскую провинцию Ирана в эпоху Великой войны // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. Вып. 11 (133). URL: <https://history.jes.su/s207987840029145-8-1/> (дата обращения: 17.05.2024).
- Ларин А.Б.* «Русское дело в Персии»: содержание и интерпретации понятия в конце XIX — начале XX вв. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Вып. 3 (101) URL: <https://history.jes.su/s207987840014605-4-1/> (дата обращения: 17.05.2024).
- Ларин А.Б.* «Самая личность г. Потапова не внушает нам никакого доверия»: российское землевладение в Северном Иране и концессионные проекты генерала авантюриста // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2024. Т. 15. Вып. 1 (135). URL: <https://history.jes.su/s207987840030111-1-1/> (дата обращения: 17.05.2024).
- Любичанковский С.В.* Аккультурационная модель понимания империи как методологическая альтернатива колониальному подходу // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. Вып. 8 (82). URL: <https://history.jes.su/s207987840006065-0-1/> (дата обращения: 16.05.2024).
- Международные отношения в эпоху империализма: документы из архивов царского и Временного правительств (МОЭИ). 1878–1917. Сер. 3. 1914–1917. Т. 1. М.;Л., 1931.
- Мирзеханов В.С.* Идея превосходства и расовая иерархия во французской колониальной культуре // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2014. Т. 5. Вып. 4 (27). URL: <https://history.jes.su/s207987840000720-1-1/> (дата обращения: 21.05.2024).
- Мирзеханов В.С.* Феномен колониализма в мировой истории: темы и тенденции новейшей историографии // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. Специальный выпуск. URL: <https://history.jes.su/s207987840025639-1-1/> (дата обращения: 15.05.2024).
- Мирзеханов В.С.* XIX век в мировой истории (к выходу V тома «Всемирной истории») // Новая и новейшая история. 2015. № 4. С. 3–19.
- Переселение и переустройство за Уралом в 1915 г. (Отчет о работах Переселенческого управления за 1915 г.). Пг., 1916.
- Ремнев А.В., Суворова Н.Г.* Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX — начала XX века. Омск, 2013.

Ремнев А.В., Суворова Н.Г. «Обрусение» азиатских окраин Российской империи: оптимизм и песимизм русской колонизации // Исторические записки. 2008. № 11 (29). С. 132–179.

Ремнев А.В., Суворова Н.Г. «Русское дело» на азиатских окраинах: «русскость» под угрозой или «сомнительные» культуртрегеры // Ab imperio. 2008. № 2. С. 157–222.

Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006.

Сахаров А.М. Русская колонизация Астрабадской провинции в Персии. Пг., 1915.

Сибирь в составе Российской империи. М., 2007.

Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008.

Сухоруков А.Н. Русские поселения на севере Ирана в начале XX века // Россия и Восток: культурные связи в прошлом и настоящем: материалы Международной научной конференции (IX Колосницынские чтения), 16–17 апреля 2014 г. Екатеринбург, 2014. С. 282–287.

Цыряпкина Ю. «Борьба за русское дело»: имперская колонизация Туркестана // Quaestio Rossica. 2022. Т. 10. № 5. С. 1625–1641.

Чиркин Г.Ф. Отчетная записка о поездке весной 1916 г. в Астрабадскую и Мазандеранскую провинции Северной Персии. Пг., 1916. С. 42.

Annual Report on Russia for the year 1913 // British Documents on Foreign Affairs: Reports and Papers from the Foreign Office Confidential Print. Part I. Series A. Russia, 1859–1914 / ed. D. Lieven. Vol. 6. Russia, 1910–1914. University Publications of America, 1983. Doc. 172.

References

Bessonov B.V. Russkie pereselentsy v Severnoi Persii [Russian immigrants in Northern Persia]. Petrograd, 1915. (In Russ.)

B'iukenen Dzh. Memuary diplomata: Vospominaniia, memuary [Memoirs of a diplomat: Memoirs]. Moskva; Minsk, 2001. (In Russ.)

Chirkin G.F. Otchetnaia zapiska o poezdke vesnoi 1916 g. v Astrabadskuiu i Mazanderanskuiu provintsii Severnoi Persii [A report note on a trip in the spring of 1916 to the Astrabad and Mazanderan provinces of Northern Persia]. Petrograd, 1916. S. 42. (In Russ.)

Dam'e V.V. Russkii general i kitaiskie radikaly [Russian general and Chinese radicals] // Rossiia i sovremennyy mir [Russia and the modern world]. 2018. № 3. S. 30–51. (In Russ.)

Ginzburg A.I. Iz istorii vozniknoveniia russkikh poselenii v Severnom Irane [From the history of the emergence of Russian settlements in Northern Iran] // Iz istorii Srednei Azii (dorevolutsionnyi period) [From the history of Central Asia (pre-revolutionary period)]: sbornik statei. Tashkent, 1965. S. 30–36. (In Russ.)

Kanoda N.N. Pereselencheskie poselki v Zakaspiiskoi oblasti. (Konets XIX – nachalo XX v.) [Resettlement settlements in the Transcaspiian region. (Late 19th – early 20th centuries)]. Ashkhabad, 1973. (In Russ.)

Kushko A., Taki V. (pri uchastii Groma O.) Bessarabiia v sostave Rossiiskoi imperii [Bessarabia as part of the Russian Empire] (1812–1917). Moskva, 2012. (In Russ.)

Larin A.B. “Novaia Apel'siniia”: apologiia proniknoveniia v Mazandaran i Astrabad v publikatsiakh chinov rossiiskogo pereselencheskogo vedomstva [“The New Orangeland”: justification of the penetration into Mazandaran and Astarabad in the publications of the Russian Resettlement Department's officials] // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal “Istoriya” [Electronic scientific and educational Journal “History”]. 2021. Т. 12. Vyp. 6 (104). URL: <https://history.jes.su/s207987840016274-0-1/> (access date: 17.05.2024). (In Russ.)

Larin A.B. “Russkoe delo v Persii”: sodержanie i interpretatsii poniatiia v kontse XIX – nachale XX vv. [“Russian mission in Persia”]: content and interpretation of the concept in the late 19th and early 20th century] // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal “Istoriya” [Electronic scientific and educational Journal “History”]. 2021. Т. 12. Vyp. 3 (101). URL: <https://history.jes.su/s207987840014605-4-1/> (access date: 17.05.2024). (In Russ.)

Larin A.B. “Samaia lichnost' g. Potapova ne vnushaet nam nikakogo doveriia”: rossiiskoe zemlevladienie v Severnom Irane i kontsessionnye proekty generala avantiurista [“The very personality of Mr. Potapov does not inspire us with any confidence”: Russian land ownership in Northern Iran and the concession projects of the adventurer General] // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal “Istoriya” [Electronic scientific and educational Journal “History”]. 2024. Т. 15. Vyp. 1 (135). URL: <https://history.jes.su/s207987840030111-1-1/> (access date: 17.05.2024). (In Russ.)

Larin A.B. “Sami persy nichego ne predprimut dlia podniatiia kraia”: konsul K.V. Ivanov o problemakh i perspektivakh rossiiskogo pereselenchestva i zemlevladieniia v prikaspiiskikh provintsiiakh Irana (nachalo XX v.) [“The Persians themselves will not do anything to raise the region”: Consul K.V. Ivanov on the problems and prospects of Russian resettlement and land ownership in the Caspian provinces of Iran (Early 20th Century)] // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal “Istoriya” [Electronic scientific and educational

Journal “History”]. 2023. T. 14. Vyp. 9 (131). URL: <https://history.jes.su/s207987840028442-5-1/> (access date: 17.05.2024). (In Russ.)

Larin A.B. Politika kolonizatsii kak politika bezopasnosti: rossiiskoe pereselenchestvo v Astrabadskuiu provintsiuu Irana v epokhu Velikoi voiny [The policy of colonization as a defense policy: Russian resettlement to the Astrabad province of Iran in the era of the Great War] // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal “Istoriya” [Electronic scientific and educational Journal “History”]. 2023. T. 14. Vyp. 11 (133). URL: <https://history.jes.su/s207987840029145-8-1/> (access date: 17.05.2024). (In Russ.)

Liubichankovskii S.V. Akkul'turatsionnaia model' ponimaniia imperii kak metodologicheskaiia al'ternativa kolonial'nomu podkhodu [Accultural model of an Empire as a methodological alternative to the colonial approach] // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal “Istoriya” [Electronic scientific and educational Journal “History”]. 2019. T. 10. Vyp. 8 (82). URL: <https://history.jes.su/s207987840006065-0-1/> (access date: 16.05.2024). (In Russ.)

Mezhdunarodnye otnosheniia v epokhu imperializma: dokumenty iz arkhivov tsarskogo i Vremennogo pravitel'stv (MOEI) [International relations in the Era of Imperialism: documents from the Archives of the Tsarist and Provisional Governments (MOEI)]. 1878–1917. Seriiia 3. 1914–1917. T. 1. Moskva; Leningrad, 1931. (In Russ.)

Mirzekhanov V.S. Fenomen kolonializma v mirovoi istorii: temy i tendentsii noveishei istoriografii [The phenomenon of colonialism in world history: themes and trends of modern historiography] // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal “Istoriya” [Electronic scientific and educational Journal “History”]. 2023. T. 14. Spetsial'nyi vypusk. URL: <https://history.jes.su/s207987840025639-1-1/> (access date: 15.05.2024). (In Russ.)

Mirzekhanov V.S. Ideia prevoskhodstva i rasovaia ierarkhiia vo frantsuzskoi kolonial'noi kul'ture [The idea of superiority and racial hierarchy in French colonial culture] // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal “Istoriya” [Electronic scientific and educational Journal “History”]. 2014. T. 5. Vyp. 4 (27). URL: <https://history.jes.su/s207987840000720-1-1/> (access date: 21.05.2024). (In Russ.)

Mirzekhanov V.S. XIX vek v mirovoi istorii (k vykhodu V toma “Vsemirnoi istorii”) [The 19th century in world history (to the release of volume V of “World History”)] // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2015. № 4. S. 3–19. (In Russ.)

Pereselenie i zemleustroistvo za Uralom v 1915 g. (Otchet o rabotakh Pereselencheskogo upravleniia za 1915 g.) [Resettlement and land management beyond the Urals in 1915 (Report on the work of the Resettlement Administration for 1915)]. Petrograd, 1916. (In Russ.)

Remnev A.V., Suvorova N.G. “Obrusenie” aziatskikh okrain Rossiiskoi imperii: optimizm i pessimizm russkoi kolonizatsii [“Russification” of the Asian outskirts of the Russian Empire: optimism and pessimism of Russian colonization] // Istoricheskie zapiski [Historical notes]. 2008. № 11 (29). S. 132–179. (In Russ.)

Remnev A.V., Suvorova N.G. “Russkoe delo” na aziatskikh okrainakh: “russkost” pod ugrozoi ili “sornitel'nye” kul'turtregry [“Russian business” on the Asian outskirts: “Russianness” under threat or “dubious” cultural barriers] // Ab imperio. 2008. № 2. S. 157–222. (In Russ.)

Remnev A.V., Suvorova N.G. Kolonizatsiia Aziatskoi Rossii: imperskie i natsional'nye stsennarii vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka [Colonization of Asian Russia: imperial and national scenarios of the second half of the 19th – early 20th century]. Omsk, 2013. (In Russ.)

Said E.V. Orientalizm. Zapadnye kontseptsii Vostoka [Orientalism. Western concepts of the East]. Sankt-Peterburg, 2006. (In Russ.)

Sakharov A.M. Russkaia kolonizatsiia Astrabadskoi provintsii v Persii [Russian colonization of the Astrabad province in Persia]. Petrograd, 1915. (In Russ.)

Severnyi Kavkaz v sostave Rossiiskoi imperii [The North Caucasus as part of the Russian Empire]. Moskva, 2007. (In Russ.)

Sibir' v sostave Rossiiskoi imperii [Siberia as part of the Russian Empire]. Moskva, 2007. (In Russ.)

Sukhorukov A.N. Russkie poseleniia na severe Irana v nachale XX veka [Russian settlements in northern Iran at the beginning of the 20th century] // Rossiia i Vostok: kul'turnye sviazi v proshlom i nastoiashchem: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (IX Kolosnitsynskie chteniia) [Russia and the East: cultural ties in the past and present: proceedings of the International Scientific Conference (IX Kolosnitsyn readings)], 16–17 aprelia 2014 g. Ekaterinburg, 2014. S. 282–287. (In Russ.)

Tsentral'naia Aziia v sostave Rossiiskoi imperii [Central Asia as part of the Russian Empire]. Moskva, 2008. (In Russ.)

Tsyriapkina Iu. “Bor'ba za russkoe delo”: imperskaia kolonizatsiia Turkestana [“The struggle for the Russian cause”: the imperial colonization of Turkestan] // Quaestio Rossica. 2022. T. 10. № 5. S. 1625–1641. (In Russ.)

Zapadnye okrainy Rossiiskoi imperii [The Western outskirts of the Russian Empire]. Moskva, 2006. (In Russ.)

Annual Report on Russia for the year 1913 // British Documents on Foreign Affairs: Reports and Papers from the Foreign Office Confidential Print. Part I. Series A. Russia, 1859–1914 / ed. D. Lieven. Vol. 6. Russia, 1910–1914. University Publications of America, 1983. Doc. 172.